

«А в памяти — ОГОНЬ И ЛЁД...»

Валентина Абрамовна Коростелёва

«Недаром помнит вся Россия...»

200 лет прошло с того года. Менялись государи, вожди, правительства, менялась сама Россия. Для очень многих молодых людей, узнающих жизнь в основном из книжек, кампания 1812-го — уже почти сказка, хотя и героическая. Так в чём же причина такого огромного интереса к той войне, такого преклонения перед её героями?

Да в том-то и дело, что сегодня такие черты, как смелость, честность, готовность положить голову за милую сердцу Россию, за веру православную, что во все века оберегала наш народ, а точнее, душу его, востребованы как никогда. И ещё мы помним, что победа над Наполеоном — это высочайший подвиг всего народа, начиная от крестьянина, ставшего партизаном, и кончая именитыми полководцами во главе с Кутузовым, которому пришлось приложить не меньше героических усилий, чем солдатам на поле боя.

Во все времена было немало тех, для кого важнейшей была не преданность отечеству, а верность высшей власти, мастерство в подковёрной борьбе и интригах. Они-то и «вставляли палки в колёса» истинных патриотов, к числу которых, несомненно, принадлежал генерал-фельдмаршал Михаил Кутузов. И хотя Александра I полмира по заслугам именовало Победителем, но без мудрости, упорства и терпения Кутузова история России могла бы пойти совсем по-другому, и не лучшему для неё пути.

Именно сегодня многим из нас не хватает этих самых черт — смелости в поступках, призванных сохранить нравственность и культуру в обществе, верность глубочайшим по мудрости семейным и духовным традициям, готовности встать на защиту доброго имени России в любой

Исторические штудии

ситуации, какой бы сложной она ни была. Но мне хочется верить, что внутренняя потребность народа в этих идеалах зреет не по дням, а по часам. Всё больше людей убеждаются, что не только от власти зависит судьба страны. Отсюда — глубочайший интерес к славным страницам нашей истории, среди которых в памяти народной золотом вышита Бородинская битва.

Не преувеличу, если скажу, что сохранить реальную, а не мифологическую, память о той войне нам помогли такие яркие произведения искусства, как «Бородино» Михаила Юрьевича Лермонтова, стихи генерал-лейтенанта, поэта — гусара Дениса Васильевича Давыдова, «Война и мир» Льва Николаевича Толстого и менее популярные, но не менее ценные труды наших историков. Среди них особое место занимает Евгений Викторович Тарле, с книгой которого «Нашествие Наполеона в Россию. 1812 год», вышедшей в 1938 году, я с огромным удовольствием познакомилась в начале года.

По сути, исторический труд читается, как литература, что говорит не только о таланте учёного, но и писателя. К слову сказать, биография самого Тарле схожа с детективом на фоне сталинских репрессий. Только по счастливой случайности он миновал горькую участь многих и многих деятелей культуры. А труд о Наполеоне и войне 1812 года не раз подвергался жестокой обструкции только за то, что учёный считал своим долгом быть максимально правдивым и объективным. Известно, что (как ни удивительно) минимум дважды от карательных органов спасал его сам Сталин. Хотя, что же удивляться: всем известно, что вождь был не только жесток, но и умён. Может быть, сила искусства и на этот раз оказалась сильнее прочих доводов, как и в истории с пьесой «Дни Турбиных» Булгакова? Кто знает. Главное, в наших руках и этот замечательный труд, которым может насладиться любой читатель.

«Постой-ка, брат мусью!»

Надо отметить, что ожесточённое сопротивление народных масс на своём пути францу-

зы почувствовали далеко не сразу. Многие крестьяне поначалу надеялись на Наполеона как на освободителя от своих хозяев, превративших их жизнь почти в рабское существование. Крестьянские волнения начались в Литве, Польше и особенно широко развернулись в Белоруссии. «Наполеон, верный своей новой системе, стал защищать помещиков от их крепостных, вернул их в усадьбы, откуда они были изгнаны», — говорит в своих воспоминаниях маршал Сен-Сир, участник похода на Россию. Слухи о таком «поведении» Наполеона разлетались со скоростью света, из уст в уста передавались самые страшные новости о жестокости французских солдат. Это разочарование в надежде на освобождение умножалось на ненависть к врагу, крушащему всё на своём пути, устраивающему конюшни в церквях, грозящему поработить самое святое — родину.

В отличие от большинства крестьян, готовых хоть с вилами, но пойти на врага отечества, многие помещики попросту бежали в безопасные места. И в противовес их трусости в новые рекрутские наборы «низкие» люди шли в эти месяцы не только без принуждения, но чаще всего с большим желанием. *«В Тамбове всё тихо... До нас доходит лишь шум, производимый рекрутами. Мы живём против рекрутского присутствия, каждое утро нас будят тысячи крестьян: они плачут, пока им не забреют лба, а сделавшись рекрутами, начинают петь и плясать, говоря, что не о чем горевать, что такова воля божья. Чем ближе я знакомлюсь с нашим народом, тем более убеждаюсь, что не существует лучшего...»* — так писала 30 сентября 1812 г. воспитанница Смольного института М.А. Волкова своей подруге В.И. Ланской.

Очень любопытна и сама личность Марии Волковой. Её современники были уверены, что Грибоедов писал своего Чацкого не с кого-нибудь, а с неё, обладающей острым языком и прямым характером. О ней говорили как о человеке с высоким умом и в то же время с сердечной привязанностью к дорогим ей людям, за что она пользовалась

В.А. Коростелёва. «А в памяти — ОГОНЬ и ЛЁД...»

большим уважением и была любимицей просвещённой Москвы.

«Наш милый, родной город, некогда приют мира и счастья, представляет лишь груды пепла, — продолжает она. — Не успевшие бежать из города до вступления врагов, постоянно подвергаются ужасным пыткам. Они лишены способов существования, одежд у них отобрали и беспрестанно заставляю- ют их работать, обращаясь с ними варварски... Все наши церкви обращены в конюшни. Наполеон, иначе сатана, начал с того, что сжег дома с их службами, а лошадей поставил в церкви. Знаешь ли, что, несмотря на отвращение, которое я чувствую к нему, мне становится страшно за него ввиду совершаемых им святотатств. Нельзя было вообразить ничего подобного; нигде в истории не встречаешь похожего на то, что совершается в наше время».

А 22 октября она уже с восторгом пишет: *«Французы оставили Москву... Мы все обрадовались, как будто тяжкое бремя свалилось с плеч. Намедни три беглых крестьянина, разорённые, как и мы, пристали ко мне на улице и не дали мне покою, пока я не подтвердила им, что истинно в Москве не осталось ни одного француза. В церквях снова молятся усердно и произносят особые молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботит каждого русского... О! Как дорога и священна родная Земля! Как глубока и сильна наша привязанность к ней! Как может человек за горсть золота продать благосостояние отечества, могилы предков, кровь братьев, словом всё, что так дорого каждому существу, одарённому душой и разумом?..» Не правда ли, не так уж и устарели эти слова?*

И ещё один интересный факт из письма от 27 ноября: *«В Тамбове до сих пор ни одна дама не показывалась на балу, так что балы превратились в мужские собрания, где играют в карты. Французский язык изгнан; крестьяне, лишь только услышат, что говорят на иностранном языке, сейчас же скорчат грозную гримасу...»*

И не удивительно, ведь из уст в уста передавались истории, от которых — мороз по коже. Вот ещё одна. Двое захватчиков, пленив одного зажиточного прежде купца, сначала заставили его работать в кузне, а потом решили сделать из него повара и развели огонь в церкви. Купец попросил принести ему дров. Новые «хозяева» показали ему на иконостас. Пленник пал перед ними на колени и стал просить не толкать его на святотатство. В ответ его рубанули по голове...

Особенно мощная волна народного гнева и ненависти к захватчикам поднялась после того, как по всей России люди узнавали о жестокой расправе французов над Смоленском. Именно тогда стихийно возникали то там, то тут небольшие отряды мстителей из крестьян, впоследствии давшие толчок к партизанскому движению.

«Крестьяне... не только не вступали, несмотря на все зазывания и посулы, в торговые сношения с французами, но ожесточённо убивали тех фуражиров и мародёров, которые попадали им живыми в руки. Когда казаки вели пленных французов, крестьяне бросались на конвой, стремясь отбить и лично уничтожить пленных. Когда фуражировки сопровождался большим конвоем, крестьяне сжигали свои запасы (выгорали целые деревни) и убегали в леса. Застигнутые отчаянно оборонялись и погибали», — повествует Тарле.

Отсюда понятно, что накануне знаменитого Бородинского сражения фактически вся Россия была «заряжена» непримиримой ненавистью к непрошеным гостям, — будь то крестьянство, армия или высший свет в лице своих лучших представителей.

*...О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий?
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:
О, обречённый быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!*

Исторические штудии

Так воспевал товарищей по оружию, знаменитых героев Бородина, Денис Давыдов.

«Что значит русский бой удалый...»

О Бородинской битве написано немало, все исторические документы изучены, цифры потерь уточнены, насколько это было позволено временем, но споры о том, была ли это чистая победа русского оружия — не угасли и по сей день. Ведь русские понесли отнюдь не меньшие потери, чем французы, и это общеизвестный факт. Поэтому обратимся к источникам, где слово берут сами участники и очевидцы небывалого до той поры боя длиной в двенадцать непрерывных часов. Ибо они — самое точное отражение того, что происходило на этом воинском поле русской земли. Одно несомненно: оставшиеся в живых французы во главе с самим Наполеоном, покорившим в боях уже пол-Европы, были поражены смелостью, мужеством и самоотверженностью русских солдат — от рядового до генерала.

Портрет князя Петра Ивановича Багратиона (1769–1812). Худ. неизвестный.

«Самое страшное из всех моих сражений — это то, которое я дал под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми» — так говорил Наполеон уже незадолго до своей смерти. В тот год Россия доказала, и в первую очередь себе, что способна в самых тяжёлых условиях войны не упасть духом и дать достойный отпор любому, «кто придёт с мечом», даже «просвещённым» французам, перед которыми склоняло доселе голову почти всё дворянство, не говоря о высшем свете. Даже если их полки (особенно в начале войны) были отменно организованы и вооружены. Даже если во главе их стоял действительно гениальный человек.

Известно, что самыми раскалёнными местами сражения стали Шевардинский редут, Утицкий курган, Багратионовы флеши и батарея Раевского. Причём и флеши, и батарея почти в течение всего дня переходили из рук в руки, так что артиллерия порой не успевала реагировать на ситуацию и в силу естественной инерции какие-то минуты продолжала стрелять по своим.

*...Земля тряслась, как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...*

«Протяжный вой» не давал возможности для оперативного управления боем. В связи с этим приведу поразительный эпизод — один из множества в этот исторический день. Генерал Милорадович приказал адъютанту Бибикову отыскать на поле боя Евгения Вюртембергского и передать, чтобы тот ехал к нему. Поскольку крик попросту не был бы услышан, Бибиков поднял руку, показывая, где принца ждут. В этот момент ядро оторвало у него руку. И, падая с лошади, Бибиков поднял другую руку и всё-таки выполнил приказ.

«В это время кавалерийские атаки беспрерывно сменялись одна другой и были столь сильны, что войска сходились целыми массами, и потеря с обеих сторон была ужасная;

В.А. Коростелёва. «А в памяти — ОГОНЬ и ЛЁД...»

лошади из-под убитых людей бегали целыми табунами», — вспоминал генерал Никитин.

Отчаянное сопротивление наших солдат при обороне флешей всеми историками объясняется и тем фактом, что генерал Багратион пользовался не просто уважением, но искренней любовью и солдат, и офицеров. В него безоговорочно верили, с его именем шли в атаку. И он хорошо это знал и, получив тяжёлое ранение, ещё старался скрыть это и отдавал нужные приказы.

«В мгновение пронёсся слух о его смерти, и войско невозможно удержать от замешательства... одно общее чувство — отчаяние!» — вспоминал участник битвы генерал Ермолов. «Душа как будто отлетела от всего левого фланга после гибели этого человека», — говорили свидетели боя. Но те, кто были рядом с Багратионом, вскипели яростью мщенья. Так, кирасир Адрианов подбежал к носилкам и сказал: «Ваше сиятельство, вас везут лечить, во мне уже нет вам надобности!» А потом, как повествуют воспоминания, «Адрианов в виду тысяч пустился, как стрела, мгновенно врезался в ряды неприятелей и, поразив многих, пал мёртвым».

В этот день и генерал, и рядовой солдат знали одну привилегию — отстоять Россию и, если надо, умереть за неё. «Барклай (явно для всех искавший смерти в этот день) поехал вперёд, к месту, где страшнее всего был огонь, и остановился там. «Он удивить меня хочет!» — крикнул Милорадович солдатам, перегнав Барклая ещё далее по направлению к французским батареям, остановился именно там, где скрещивался французский огонь слева (от взятых уже французами Багратионовых флешей) с огнём справа (от позиций вице-короля), слез с лошади и, сев на землю, объявил, что здесь он будет завтракать», — повествует Тарле.

Эстафету Багратионовых флешей приняла на себя батарея Раевского, на которую выпало исполнение плана фельдмаршала, жестокого с точки зрения неизбежных потерь и верного в смысле спасения остальной час-

ти армии. Наполеон надеялся, взяв батарею Раевского, обеспечить полную победу силами артиллерии и принудить русских позорно покинуть поля боя. Однако батарея всё сражалась, а русские ядра достигали саму ставку Наполеона, который, по воспоминанию де Боссэ, «их тихо отталкивал, как будто отбрасывал камень, который мешают во время прогулки». Русские и не думали отступать, хотя уже темнело и начинался дождь. «Что русские?» — спросил Наполеон. — «Стоят на месте, ваше величество».

— «Усильте огонь, им, значит, ещё хочется, — распорядился император. — Дайте им ещё!». Провоцируя напор противника на батарею Раевского, Кутузов уже начал выводить уцелевшие части с поля боя...

А за спиной фельдмаршала «сгущались тучи». Убеждённые в его ошибках приближённые царя уже настаивали на смещении его с поста главнокомандующего, в том числе наиболее решительно английский подданный Роберт Вильсон (и лукавый дипломат, и военный «стратег», входивший в штаб Кутузова), смотревший на русских солдат, как на материал для достижения целей Англии. Ему вторили господа вроде Леонтия Беннигсена, известного махинациями в армии, и Фердинанда Винценгероде, в разное время служившего разным государствам. Они упорно убеждали Александра, что Бородино — это поражение, делая ещё более непростыми отношения царя и Михаила Илларионовича. Сам Кутузов был спокоен: сохранена армия, есть дальнейшая возможность её укрепления и нанесения уже смертельного удара врагу. Прекрасно зная психологию солдат, он был уверен, что русский дух значительно укрепился, а потрёпанные при Бородине захватчики уже не смогут полностью залечить свои раны. Что, как мы знаем, и случилось. И потому дорогого стоят для истории несколько слов из письма Кутузова жене: «Я, слава богу, здоров, мой друг, и не побил, а выиграл баталию над Бонопартием. Детям благословение. Верный друг Михайла Г(оленищев)-К(утузов)».

Исторические штудии

Увы, не мог позволить себе подобной весточки в Париж Наполеон. Большой любитель шахмат (с ними он не расставался даже в России), император Франции познал три горьких, связанных с Россией, поражения, то есть трижды получал от неё весьма ощутимый мат. Первый он получил, когда в 1808 году царская семья отказала ему в браке с великой княжной Екатериной Павловной, сестрой Александра I. Второй — в подобном отказе на брак с другой великой княжной — 14-летней Анной Павловной, которая впоследствии стала-таки королевой, но не Франции, а Нидерландов. О третьем, в Бородине, — читатель уже догадался.

О том, что Наполеон при всём том был велик и как полководец, и как человек, говорит вся его биография. Глубину его личности отражает и такой факт. Когда Наполеон со свитой объезжал поле боя после Бородинской битвы, на тяжелораненого наступила лошадь, раздался крик. Император распорядился тотчас же оказать солдату помощь. «Да это же русский!» — возразили ему. Но император твёрдо ответил, что в этот час нет врагов, есть только люди. И приказал оказать помощь всем тем, кто подавал признаки жизни. И это ему принадлежат крылатые фразы: «От смешного до великого один шаг», «Народ, не желающий кормить свою армию, вскоре будет вынужден кормить чужую», «Войско баранов, возглавляемое львом, всегда одержит победу над войском львов, возглавляемых бараном» и другие.

Под началом Наполеона сражались видные и уже овеянные славой многих побед маршалы — Мюрат, Ней, Ожеро, Лефевр, Даву. Их несомненному опыту и решимости противопоставили мужество и веру в Россию Михаил Кутузов, Михаил Барклай-де-Толли, Пётр Багратион, Николай Раевский, Алексей Ермолов, казачий командир Матвей Платов, Денис Давыдов, Иван Дорохов и другие славные офицеры русской армии.

*И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,*

*Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.*

«Да, были люди в наше время...»

Одним из самых трагических эпизодов войны стала сдача французам Москвы. Об этом событии и поныне не утихают споры. А тогда решение Кутузова оставить Москву повергло в шок большую часть не только окружения государя, но и самой армии. Но если солдаты всё-таки верили Кутузову и любили его, то в Петербурге и даже в самом штабе главнокомандующего всё больше зрело недовольство Михаилом Илларионовичем, его независимым характером и почти упрямством в претворении своих планов, зачастую скрываемых от наиболее ярых противников, чьи интересы никак нельзя было назвать государственными.

Уже упомянутый английский комиссар при русской армии генерал сэр Роберт Вильсон в своих донесениях Александру снова ратовал за снятие Кутузова с поста; не уступал ему в этом рвении и начальник штаба Беннигсен, не скрывавший своей цели встать на место Кутузова, причём делал это весьма нагло, за что получал хорошую «сдачу» от Михаила Илларионовича. «Где этот дурак? Рыжий? Трус?» — кричал Кутузов, прикидываясь, будто забыл нужную фамилию и силится её вспомнить. Когда ему решились сказать, не Беннигсена ли он имеет в виду, фельдмаршал ответил: «Да, да, да!» (*Е. Тарле*). В конце концов, Кутузов изгнал из штаба «неприятеля», за которого царь не стал вступаться, памятью о его не очень «чистом» прошлом.

Расчёт Кутузова в отношении Москвы оказался верным: Наполеон потерял дорогое время и часть войска, превратившегося в сборище мародёров и пьяниц. И забыв о том, как восторгался видами столицы и осуждал «варварство» русских, оставивших её на волю неприятеля и пожаров, перед уходом распорядился взорвать исторический центр Москвы. «Взлетели на воздух здание Арсенала,

В.А. Коростелёва. «А в памяти — ОГОНЬ и ЛЁД...»

часть кремлевской стены, начались пожары в Грановитой палате, в соборах, разрушены были частично Никольская башня и башни, выходящие в сторону реки...» (Е. Тарле).

Но судьба уже всё более отворачивалась от французов. И Тарутинское сражение 18 октября, опять-таки кончившееся не бог весть каким военным результатом, явилось окончательным поворотом к прямому изгнанию Наполеона из России, хотя сам он всё ещё надеялся на подкрепления из Европы, на отдых и снабжение армии всем необходимым в Смоленске, на заключение мира с Россией. Однако Александр на все предложения о встрече отвечал чаще всего молчанием. А войска Наполеона на глазах теряли не только продовольственные обозы, но и сам воинский дух.

«Маршал Сен-Сир... не надеется уже на баварцев: немногие, сколько их у него осталось, поражены болезнью или упадком», — писал французский офицер в письме на родину. А в другом письме: «...по три-четыре раза в день я переходил от крайних неприятностей к крайнему удовольствию. Нужно сознаться, что эти удовольствия не были очень деликатными: например, одним из живейших удовольствий было найти вечером несколько картофелин, которые нужно было есть без соли со сгнившим хлебом. Вы понимаете наше глубоко жалкое положение? Это длилось 18 дней».

Стратегический ум Кутузова выигрывал у Наполеона партию за партией, дробя и уничтожая силы противника и вынуждая того действовать по своему сценарию. И с каждым днём ожесточённее становилось сопротивление французам со стороны солдат в армии и крестьянства в тылу, поверившего в окончательную победу над врагом. Стали популярными слова русского солдата, который отвечал командиру: «Что нас уговаривать быть бесстрашными! Стоит на матушку-Москву оглянуться, так на чёрта полезешь!». К тому же оказалось, что «варвары», коими звали нас иностранцы, — нравственно намного превосходили «гостей» из Европы. Сохранились многочисленные документы о том, что

варварски вели себя именно французы, устраивая в храмах конюшни, насилая женщин и даже девочек, устраивая костры из святых икон, в поисках пищи добывая собственных товарищей, а после устраивая гульбища прямо на их трупах. Естественно, такое поведение иноземцев на своей земле не могло не вызывать у населения не только ненависть, но и отвращение. Под красивыми мундирами прятались часто более чем дикие сердца, не знакомые с милосердием и любовью к ближнему.

И всё крепче, действенной становилось партизанское движение, раскрывшее примеры такого духа, такой храбрости, что прежде были неведомы Европе, хотя справедливости ради надо отметить, что само это движение возникло в Испании в ответ на вторжение Наполеона.

В России самым ярким представителем народной войны был генерал-лейтенант Денис Давыдов, ещё до Бородина предложивший Кутузову такую тактику борьбы. Позднее ему последовал генерал Иван Дорохов. Их вооружённые войсковые отряды изрядно «потрепали» войска неприятеля по дороге на Смоленск, оставляя её без провизии, фуража и новых подкреплений. В результате порядком деморализованная и голодная армия, дотянувшись до Смоленска, была вынуждена думать не столько о войне, сколько о выживании. Город ничего не «припас» иноземцам, и заурядный голод (а вовсе не холод, как привыкли считать) косил остатки армии Наполеона похлеще артиллерии.

А история сохранила память об удивительных — по дерзости и самопожертвованию — подвигах в среде партизан, и не только. И если Давыдову и Дорохову посвящено немало воспоминаний и произведений, то имя полковника Александра Фигнера известно гораздо менее. А личность эта настолько яркая, что достойна героико-приключенческого романа. В письме своей жене, переданном с Фигнером, Кутузов писал: «Погляди на него пристально, это — человек необыкновенный. Я такой высоты души ещё не видел, он фанатик в храбрости и в патриотизме...»

Исторические штудии

Фигнер, казалось, вывел собственные правила войны с завоевателями и действовал в согласии с ними, то есть вообще без правил в традиционном их понимании. Он был и разведчиком, проникавшим глубоко в тыл противника, и актёром даже в самые сложные моменты судьбы. Строил безумно храбрые планы и совершал отчаянные вылазки (в Москве, к примеру, реально готовился к покушению на Наполеона, позднее строил планы переворота в Италии, дабы и эту страну освободить от французов).

Прекрасно владея несколькими языками, Фигнер в одиночку добывал важнейшие сведения в лагере противника и благополучно возвращался к своим. Его мобильный партизанский отряд наводил ужас на неприятеля и вызывал восторг в стане русских. Единственное, что вменяли ему в вину, — это жестокость, в том числе в отношении пленных. Однако людская молва о его подвигах и восхищение его смелостью, артистизмом, изобретательностью вынуждали простить Фигнера за это. Особенно его понимали те солдаты и крестьяне, которые были свидетелями куда более жестокого обращения с русскими людьми супостатов всех мастей, хлынувших в Россию под знаменем вполне светского Наполеона. И недаром Михаил Загоскин именно Фигнера сделал одним из героев своего романа «Рославлев, или Русские в 1812 году».

История сохранила немало примеров истинного героизма и среди самых простых людей, что пополняли собой партизанские отряды. И во всех источниках отмечается участие в народной войне женщин. В Смоленской губернии старостиха Василиса Кожина лично перебила вилами и косою несколько французских солдат, пленив их. Целые легенды ходили о кружевнице Прасковье из тех же краёв.

Кстати, несмотря ни на что, не растерял наш человек в это тяжкое время и чувство юмора. Пленённый французский генерал заверял окружающих, что Наполеон возьмёт своё, особенно если в будущем у него будет несколь-

ко тысяч казаков, которые перейдут на его сторону. Тогда казацкий офицер Иловайский ответил тому, что, если уж так им понравились казаки, то нет другого способа, кроме как прислать из Парижа на Дон побольше молодых баб и девок, и он уверяет, что будет у Наполеона пропасть настоящих казаков.

Александр I не собирался заканчивать войну изгнанием французов. И тут он разошёлся с мнением Кутузова. Нужно спасти Европу и помогать Англии, считал царь. Но фельдмаршал, помня об измученной и разорённой России, ответил твёрдо «нет» и этим подписал себе скорый приговор об отставке. И были новые битвы, и новые потери, и повергнутый, однако невредимый Париж, и гулянье казаков на Елисейских полях и Монмартре, и слава Александра Победителя, чьё имя, конечно же, осталось в русской истории, но не в русском сердце. Это святое место навеки принадлежит Михаилу Илларионовичу. А вместе с ним и великая победа при Бородине.

*Прошли века, а живы броды,
А в памяти — огонь и лёд...
Война двенадцатого года
И до сих пор по сердцу бьёт.*

*Что нам, познавшим даже атом,
До тех далёких мгlistых лет?..
Но чей-то пращур был солдатом,
А чей-то — в блеске эполет,*

*И были жёны, были дети,
В живых корнях отозвались...
И двадцать первое столетье
Не принесло иную высь...*

*Замрёт над строчкой отрок малый,
Поскольку строчка хороша...
«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» —
И вздрогнет в первый раз душа...*

*Пусть лет бойцу пока что мало, —
Он защитит любовь и свет...
«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»
— Недаром!.. — слышится в ответ.*

